

ПОМНИМ
ЛИ
МЫ... ..

*Приложение к литературно-художественному
альманаху «Первоцвет»*

ПОМНИМ ЛИ МЫ...

*Стихи поэтов Приангарья
о Великой Отечественной войне*

Иркутск
2005

ББК 83.3 (2) я 43

УДК 84.3 (2Р-5) – 4

П 55

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Комитета по молодежной политике
Иркутской области*

П 55 Помним ли мы...: Стихи поэтов Приангарья о
Великой Отечественной войне/ Сост. Л.В.Иоффе. –
Иркутская типография «На Чехова», 2004. –

В книгу, посвященную 60-летию Великой Победы,
включены стихи поэтов Иркутской области разных
поколений.

ISBN 5-98839-001-3

© Л.В.Иоффе,
Составление, 2004
© Издательство
Областной юнош. б-ки
им. И.П.Уткина

Прошло 60 лет... Все меньше среди нас участников той страшной войны. Все меньше свидетелей четырех огненных лет.

Приходит другое поколение. Но не могут быть преданы забвению те, кто погибал в боях, терпел пытки в концлагерях, трудился в тылу – все, кто не допустил варварского разорения земли своей обетованной.

Помним ли мы, через что пришлось пройти дедам и прадедам нашим?..

Обязаны помнить. Хотим помнить. Будем помнить.

Среди авторов этого сборника – те, кто погиб в Великую Отечественную.

Кому удалось вернуться.

Кто был тогда ребенком.

Кто родился в пятидесятые, шестидесятые, семидесятые...

И те, кто только начинает жить, – молодые авторы литературно-художественного альманаха «Первоцвет».

Значит, протянута нить памяти из прошлого в будущее. И дай Бог не оборваться ей никогда.

Помним ли мы...

Джек Алтаузен

Вся Отчизна меня провожала

На войну уходил я из дома,
Плыл над городом день голубой.
Переулком, где все нам знакомо,
Шли мы рядом, родная, с тобой.

На прощанье ты твердо сказала:
– Надо край наш любимый спасти, –
И сама помогла до вокзала
Вещевой мой мешок донести.

Помню я, на углу возле сквера
Чья-то девочка к нам подошла,
Улыбнулась: – Зовут меня Вера, –
И на память кисет поднесла.

А потом поглядела поостроже,
Детский взгляд мне ее не забыть:
– Я хотела бы, дяденька, тоже
До вокзала тебя проводить.

И пошли вы, меня провожая,
Обе полные думой одной, –
Ты и девочка эта чужая,
Что навеки мне стала родной.

Помню лица, мелькнувшие мимо,
Голубей на киосках цветных,

Помним ли мы...

Чей-то возглас: – Соколик родимый,
Там на фронте стой за своих!

И старушка, что даже не знала,
Чей я, кто я и как меня звать,
Вместе с нами пошла до вокзала,
Словно сына, меня провожать.

И когда на ступеньках вагона
Мы безмолвно с тобой обнялись,
Посмотрела она умиленно
И сказала: – Сынок, оглянись!

Оглянулся я молча – и замер:
На перроне средь ясного дня
Сотни женщин махали платками,
На войну провожая меня.

И успел я прочесть в каждом взоре:
«Милый, будь беспощаден в борьбе,
Пусть великое русское горе
Гневом сердце наполнит тебе...»

И потом, вспоминая об этом,
Через лес, оглушенный пальбой,
Озаренный январским рассветом,
С автоматом я ринулся в бой.

Я фашистской не кланялся пуле,
Не робел, не терялся в дыму,
В грозном грохоте, в огненном гуле
Нес я гибель врагу своему.

И рука у меня не дрожала,
Потому что в тот день голубой
Вся Отчизна меня провожала,
Весь народ провожал меня в бой.

Лев Черноморцев

Граната

Вот вам рассказ правдивый про гранату...
Нас было двое.
Мой товарищ пал.
Тогда из пальцев мертвого солдата
Я взял ее, не трогая запал.
Я помню, пальцы разжимались туго,
Но у меня не дрогнула рука.
Я взял ее у фронтового друга,
Убитого в бою сибиряка.
Он был отважным, доблестным солдатом.
И – за него,
За всех друзей своих –
Я приподнялся
И метнул гранату,
Что лишь одна осталась на двоих.

Иосиф Уткин

Затишье

*Он душу младую
В объятиях нес...*
М. Лермонтов

Над землянкой в синей бездне
И покой, и тишина.
Орденами всех созвездий
Ночь бойца награждена.

Голосок на левом фланге;
То ли девушка поет,
То ли лермонтовский ангел
Продолжает свой полет.

Вслед за песней выстрел треснет –
Звук оборванной струны.
Это выстрелят по песне
С той, с немецкой, стороны.

Голосок на левом фланге
Оборвется, смолкнет вдруг...
Будто лермонтовский ангел
Душу выронит из рук...

Виссарион Саянов

* * *

Что мы пережили, расскажет историк,
Был сон наш тревожен, и хлеб наш был горек.
Да что там! Сравнения ввек не найти,
Чтоб путь описать, где пришлось нам пройти!
Сидели в траншеях, у скатов горбатых,
Бойцы в маскировочных белых халатах.
Гудели просторы военных дорог,
Дружили со мною сапер и стрелок.
Ведь я – их товарищ, я – их современник,
И зимнею ночью, и в вечер весенний
Хожу по дорогам, спаленным войной,
С наганом и книжкой моей записной,
С полоской газеты, и пропуском верным,
И с песенным словом в пути беспримерном.
Я голос услышал и вышел до света,
А ночь батарейным огнем разогрета.
Синявино, Путролово, Березанье –
Ведь это не просто селений названья,
Нё просто отметки на старой трехверстке –
То опыт походов, суровый и жесткий,
То школа народа – и счастье мое,
Что вместе с бойцами прошел я ее.

Дмитрий Сергеев

Окопные сны

Война та давно уже в прошлом,
А старые раны ночами свербят.
И кажется, рядом, со свистом истошным,
Стальные осколки и пули летят.
Винтовки и каски, погоны и лычки,
Снаряда разрыв, точно огненный гриб.
Как в доме обжитом, родном и привычном,
Бегу вдоль траншеи впригиб.
Висит над окопом болотная хмарь,
Кирзухи разбухли, портянки мокры.
Под вечер – обычный бойцовский стопарь
И терпкий дымок от махры...
Давно отзвучали победные речи.
Полвека назад я вернулся с войны.
Забыты названия селений и речек,
На память остались окопные сны.

Лев Могилев

Эшелоны

Переполнены вагоны.
Путь-дорога далека.
Эшелоны, эшелоны!..
Бесконечная река!
Переполнены вокзалы.
Ходят люди по ногам.
А река бурлящим валом
Приливает к берегам.
И с надеждой напряженно
Смотрят дети, старики,
Смотрят матери и жены
На кипенье той реки.
Паровозной гари запах
Да пронзительный свисток...
Снова мы в пути на запад.
Покидаем мы восток.
Поезд мчит, в теплушках тесных
Ходят нары ходуном,
И поют солдаты песни
О заветном, о родном.
Впереди Иркутск уж будет,
Позади – Улан-Удэ.
Воздух рвет железной грудью
Разогнавшийся ФД.
Ноги свесив, сели вместе.
Был немалый перегон.
Повстречался на разъезде
Нам трофейный эшелон.

Помним ли мы...

На платформах (не поверишь!)
Улеглись «во всей красе»
Бронированные звери,
Искореженные все.
Непривычные, с крестами...
В первый раз такое ведь!
Мы как раз напротив встали,
Все сумели разглядеть!
Все равно побьем мы гада!
Пусть не лезет напролом.
А железная армада
Вся сполна пойдет на лом.
И победные знамена
Мы поднимем, а пока...
Эшелоны, эшелоны...
Бесконечная река.

Леонид Сенченко

* * *

Ночь в эсэсовском мундире
Нас в бараках караулит...
Ты не плачь, не плачь, сестричка,
До утра нас не убьют.

Ночью немцы не стреляют,
Ночью немцам спать охота.
Ты ко мне придвинься ближе,
Слушай, что я расскажу.

Расскажу тебе я правду,
Я ее от бабки слышал,
Как немецкий Змей Горыныч
Нас собрался воевать.

Змей пришел на нашу землю,
Грабил, жег, стрелял и вешал,
А потом под автоматом
Нас в Неметчину угнал.

Только этот гад фашистский
И не думал, и не ведал,
Что наш храбрый папка служит
В Красной армии бойцом.

Как узнал про гада папка,
Зарядил свою винтовку

Помним ли мы...

И пошел войной на гада –
Нас из плена вызволять.

Ты не плачь, не плачь, сестричка,
Слышишь, вон сирены воют.
Может, папка этой ночью
Прилетел врага бомбить...

Александр Гайдай

Журавли

Я на посту в степи стою,
Песок в лицо мне бьет.
А там, в моем родном краю,
Сирень сейчас цветет.

Из-за кустов, из-за ветвей
Окошек не видеть,
А в небе стаи журавлей
Курлыкают опять.

На долгий журавлиный зов
Выходит мать моя.
На фронте пять ее сынов
Да на востоке – я.

Глаза от солнца заслонив,
Мать смотрит птицам вслед:
Быть может, сыновьям они
Передадут привет.

Пусть скажут, что их ждут поля
И мать с победой ждет,
И возле хаты тополя,
И на селе народ.

Пусть скажут... Но все дальше зов
Весенних журавлей

Помним ли мы...

Над легкой дымкою лесов,
Над зеленью полей.

Я на посту стою в степи,
Кругом пески белы,
А надо мною журавли
Кричат: курлы, курлы...

Леонид Огневский

Был бой как бой

Был бой как бой
Трещали автоматы,
И пулеметы лаяли, грозя загрызть,
И дальней артиллерии раскаты
Привычно отпевали чью-то жизнь.

И кто-то победил бы в этом бое,
Чьей силы больше было на весах,
Но тут в безумье грома, визга, воя
Решительно вмещались небеса.

Они наслали туч.
Ватагой тесной
Те в сумраке вечернем напоззли.
Сверкали молнии, и гром небесный
Вплетаться начал в грозный гром земли.

А я, а мы,
пехтура по окопам,
Отвыкшие от крыш над головой,
Промокшие и грязные, мы скопом
Внимали перепалке огневой.

Но в жизни, говорят, ничто не вечно.
Заметили мы:
только до поры
Над нами перекатывались встречно
Снарядов раскаленные шары.

Денис Цветков

Смертельно раненный

Рвались снаряды
Слева, справа,
Земля стонала, как в бреду.
А он упал у переправы,
Как бы споткнувшись на бегу.
Кричал беззвучными губами,
Не в силах боли превозмочь.
И рану зажимал руками,
Стараясь сам себе помочь.
Но смерть его –
Стервятник старый –
Уже шаманила над ним.
...Не надо плакать, санитары,
Спешите, милые,
к другим!..

Константин Седых

Парень из Иркутска

Под ивняком из мерзлого болота
Дым ядовитый медленно плывет.
У амбразуры вражеского дзота,
Закрыв собой немецкий пулемет,
В упор прошитый строчкой огневой
Иркутский парень Пронька Подкорыгов
С залитой кровью русой головой.
Стоят бойцы над Пронькой скорбным кругом,
И каждый молча думает о нем:
Вчера он был простым и скромным другом,
Сегодня стал великим земляком.
Не по приказу кинулся он к дзоту,
А по веленью совести своей,
Как подобает в жизни патриоту,
Он отдал жизнь, но спас своих друзей.
Скрестивши на груди его ладони,
Шинелью окровавленной накрыв,
В могиле братской Проньку похоронят,
Но богатырский подвиг будет жив.
В святом бою с военщиной немецкой
Земляк наш пал в пороховом дыму.
В Иркутске жил он на Второй Советской,
И там поставят памятник ему.

Николай Саткевич

* * *

В сорок первом модным быть хотел,
Сшил костюм,
Да только не надел:
На свиданье поспешил с войной –
Ей наряд не нужен выходной!
Гимнастерку,
Скатку и ремень
Выдали бойцу на каждый день.
Лишь во сне,
Среди чужой войны
Видел я себя со стороны:

Будто в том костюме в загс иду
И девчонку под руку веду,
А потом
Пляшу на свадьбе с ней...
Лишь дожить бы до счастливых дней.
Сколько бурных лет с тех пор прошло!
Но пока таится где-то Зло,
Беспокойный и непрочный мир
Не дает солдату снять мундир!

Николай Савостин

Воспоминание

Стоял я на посту в конце войны,
Был склад свинцовой plombой опечатан.
Работая на стройке, со стены
Бросали взгляды на меня девчата.
Неясная с одной возникла связь,
Хоть даже взглядом не встречался с нею.
Ее подружки чуткие, смеясь,
«Скворцова, – ей кричали, – он краснеет!»
Она, неся кирпич, сбивала шаг
И заливалась огненным румянцем...
Но я не мог с ней встретиться никак:
Не знали увольнений мы и танцев.
Во сне и то с ней встретиться не мог:
Я спал без сновидений – так устану.
Еженедельно plombу и замок
Нетерпеливо брал я под охрану,
Чтоб хоть украдкой увидеть ее.
Как полны были те часы у склада!
Забрызганное известью старье
На ней казалось дорогим нарядом.
Я не был с ней вдвоем и двух минут.
Но всякий раз я вздрагиваю снова,
Когда услышу, как упомянут
Кого-то по фамилии Скворцова...

Анатолий Ольхон

Обручальные кольца

В шумном зале блестели колонны,
Алый лозунг кричал со стены:
«Патриот, укрепляй оборону!
Все отдай на защиту страны!»

Подошли они скромно и просто,
У обоих уже седина –
Старички невысокого роста,
Неизвестные муж и жена.

Возле кассы на стол комсомольца
Светлый полдень лучи уронил,
Обручальные звякнули кольца,
Заблестев, как живые огни.

Старики эти кольца ценили,
Берегли их они много лет:
Эти кольца на память хранили,
Как любви своей верный завет.

И в годину военной тревоги,
Проводивши на фронт сыновей,
Старики, величавы и строги,
Поклялись не отстать от детей.

Из сияющей залы госбанка
Вижу я боевой горизонт,

Помним ли мы...

Слышу: рвутся немецкие танки
И фашистский колеблется фронт.

Под ударами наших зениток
«Мессершмитгты» свергаются вниз.
И в стальной польхающий слиток
Обручальные кольца вплелись.

Эти кольца сверкают в снарядах,
Эти кольца впаялись в клинки:
Штурмовые срезают отряды,
Белофинские рушат полки.

Эти кольца врагов окружают.
Давят, жгут, разрывают, громят.
Эти кольца в бою побеждают,
Богатырскую силу таят.

Исполать вам, советские люди!
Слава, честь вам на веки веков!
Ваша жертва достойною будет
Поколения большевиков.

Кольца отдали вы золотые –
Обручились вы с родиной вновь.
Вам, друзья, старики дорогие,
Поклонюсь я за вашу любовь.

Поклонюсь по-сыновнему просто...
И поклонится вам вся страна,
Старички невысокого роста
Неизвестные –
Муж и жена.

Ростислав Смирнов

Из дневника военных лет

Снова – в путь. По размытым и скользким
маньчжурским дорогам,
Волоча на подошвах по пуду прилипшей земли,
Зашагали солдаты
к суровым Хинганским острогам,
Что видны из-за сопок
в туманной и мглистой дали.
Ну, погодка! Трехсуточный дождь,
а над сопками – солнце.
Молча движутся роты.
Какой-то усач-ездовой
Плюнул, спрыгнув с коня,
обругал самураев-японцев –
И побрел по обочине, жидко поросшей травой.
Обгоняет колонну
зеленый приземистый «виллис», –
Верещат тормоза –
только брызги летят из-под шин.
Коренастый полковник
С лицом озабоченным вылез.
(«Подтянуться! «Равнешь! –
несутся команды старшин.)
– Что, устали, орлы?
– Есть немножко, товарищ полковник!
А когда же мы встретим врага?
...Посуровел комдив.
– Скоро, скоро столкнемся...
Они нас надолго запомнят...

Помним ли мы...

Бой ведет авангард – километрах в восьми впереди.
Поднажмите, ребята!
Усталости – как не бывало.
Скоро – в бой,
и у каждого вдвое прибавилось сил.
Через час
мы раскинулись цепью вблизи перевала.
Через день –
ворвались в городок под названьем Линьси.

Иван Молчанов-Сибирский

Забайкалец-рядовой

В память этих дней осталось
В русской пряди серебро...
Но об этом не писалось
В сводках Совинформбюро.

В дни, когда к стенам столицы
Полк резервный подходил, –
День и ночь солдат с границы
Глаз усталых не сводил.

В дни грозы, когда над Волгой
Бушевал жестокий шквал, –
Забайкальской ночью долгой
Он свой пост не покидал.

В лютый зной и в холод адский
Неизменный часовой –
Выполнял свой долг солдатский
Забайкалец-рядовой.

Он не шел к Берлину с боем,
Вражьи танки не взрывал,
Он Отечество собою
На востоке прикрывал.

Марк Сергеев

Баллада о тополях

В тени их
 скрыта школьная ограда.
Они следят с улыбкой за тобой,
Горнист из пионерского отряда,
Так мастерски владеющий трубой.
Нас кронами укрыв,
 как шалашами,
Они шумят под вешнею грозой...
Послушай:
 я их помню малышами –
Обыкновенной
 тоненькой лозой.
Послушай:
 в небе стыл рассвет белесый,
Проткнула землю первая трава,
За ручки, важно, приведа из леса,
Их посадили мы –
 десятый «А».
И ночью,
 после бала выпускного,
Мы поклялись
 сюда опять прийти.
И вот мы к тополям
 вернулись снова,
Но впятером
 из двадцати шести.
Горнист из пионерского отряда,

Послушай:

клятв никто не нарушал.
Ты родился, должно быть, в сорок пятом
И, значит, сорок первого не знал.
А в том году
Схлестнулись с силой зла,
Стояла насмерть русская земля.
За тыщи верст разбросаны могилы
Тех, кто сажали эти тополя.
Но, будто бы друзья мои – солдаты,
Стоят деревья в сомкнутом строю,
И в каждом я,

как в юности когда-то,
Своих друзей приметы узнаю.
И кажется,
скажи сейчас хоть слово
Перед шеренгой тополей живой –
И вдруг
шагнет вперед правофланговый
И в трауре поникнет головой.
Как требуют параграфы устава,
Начни по списку называть солдат:
– Клим Щербаков! –
И тополь –

пятый справа –
Ответит:
– Пал в боях за Ленинград.
– Степан Черных! –
И выйдет тополь третий.
– Матвей Кузьмин! –
Шагнет двадцать второй.
Нас было двадцать шесть на белом свете –
Мы впятером с войны вернулись в строй.
Но остальные не уходят.

Рядом
Они стоят,
бессмертны, как земля.
Горнист из пионерского отряда,

Помним ли мы...

Взгляни:
шумят под ветром тополя.
И если в час беды
о нас ты вспомнишь,
Твой горн тревожно протрубит подъем,
То мы придем,
горнист,
к тебе на помощь,
Живые или мертвые –
придем.

Василий Федоров

Завещание

Солдат, приподнимаясь над постелью,
В предсмертный час для сына диктовал:
«Передаю тебе родную землю,
Которую я вновь отвоевал.
Чтоб не посмел никто ее обидеть,
Ты, продолжая славный путь отца,
Расти большим, чтоб всю ее увидеть,
Понять ее душою до конца. –
Пиши, сестра, пиши... – Наш край метельный,
Где ты родился, – так и напиши, –
Умей любить любовью беспредельной,
Умей любить всей нежностью души.
Смотри, мой сын, по капле не разлейся,
Но жизнь, и труд, и славу полюбя,
Ты мужеству учись и не надейся,
Что кто-то будет думать за тебя.
Настанет время, и дорогой вешней
По волнованью луговой травы
Ты в жизнь пойдешь, не выходи без песни,
Не опускай веселой головы.
Она подарком не дается свыше,
Умея жить и все одолевая,
Я сделал все, чтоб ты ее услышал,
Узнал ее и смог завоевать.
Чтоб в трудный час любого испытанья
Ты верности в груди не погасил...
Писал в минуту ясного сознания
И в полноте моих душевных сил».

Иннокентий Луговской

Громче орудий

Под орудийные раскаты,
Под минометный вой и лай
Его не слышали солдаты –
Четвертый май, военный май.
Но вот пурга войны отвыла,
И канонада не слышна,
И словно пульс остановила
У всех живущих тишина.
И сразу после круговерти
Огня и дыма, пуль и тел
Он взвился ввысь над полем смерти
И, как бубенчик, зазвенел.
Он пел и ввинчивался круто
В безмерно синий небосвод.
И лучше не было салюта
Бойцам, закончившим поход.
Он пел о мае, о невесте,
Он пел о том, что жизнь сильна.
И лучше не было той вести,
Что сражена сама война.
Он пел... Молчали пушки, люди,
Молчали небо и лесок.
Он пел... И громче всех орудий
Гремел бессмертный голосок.

Елена Жилкина

Другу-фронтовику

Приходят письма в месяц раз
Из дальней стороны...
Из мест, где ты идешь сейчас
Дорогами войны,
Где гаснет на пути твоём
Звезды дрожащий свет,
Где грозным заслонен огнем
Испуганный рассвет,
Где вместо птиц шрапнель свистит
В обугленных лесах
И на сухой траве лежит
Кровавая роса.
Ты сердце там укрыл свое
В железо и броню.
И пусть напутствие мое
Тебя ведет в бою.
Сказала я тебе: «Иди,
Не забывай меня».
И верю: цел и невредим
Ты выйдешь из огня.
И знаю:
Ты придешь домой
И скинешь с плеч шинель,
Тебе в лицо пахнет весной
Черемухи метель.
Ты вновь увидишь поутру
Дождем умытый сад.

Помним ли мы...

И, может быть, тогда, мой друг,
Посмотрим мы назад:
Ты победил врага в бою,
Я сберегла наш дом...
Мы мужеством любовь свою,
Наверно, назовем.

Юрий Левитанский

* * *

Ну что с того, что я там был.
Я был давно. Я все забыл.
Не помню дней. Не помню дат.
Ни тех форсированных рек.

(Я неопознанный солдат.
Я рядовой. Я имярек.
Я меткой пули недолет.
Я лед кровавый в январе.
Я прочно впаян в этот лед –
я в нем, как мушка в янтаре.)

Ну что с того, что я там был.
Я все избыл. Я все забыл.
Не помню дней. Не помню дат.
Названий вспомнить не могу.

(Я топот загнанных коней.
Я хриплый окрик на бегу.
Я миг непрожитого дня.
Я бой на дальнем рубеже.
Я пламя Вечного огня
и пламя гильзы в блиндаже.)

Ну что с того, что я там был,
в том грозном быть или не быть.

Помним ли мы...

Я это все почти забыл.
Я это все хочу забыть.
Я не участвую в войне –
она участвует во мне.
И отблеск Вечного огня
дрожит на скулах у меня.

(Уже меня не исключить
из этих лет, из той войны.
Уже меня не излечить
от той зимы, от тех снегов.
И с той землей, и с той зимой
уже меня не разлучить
до тех снегов, где вам уже
моих следов не различить.)

Ну что с того, что я там был!..

Светлана Кузнецова

* * *

Слышишь, мой милый, труба проиграла,
Всхлипнула прямо в окно.
Ты не дослужишься до генерала,
Это тебе не дано.

Я генеральшей веселой не стану,
Мне и веселье не впрок.
Я безымянной солдаткою кану
В точно означенный срок.

Петр Реутский

Любовь женщины

Память сердца, верни меня к детству,
В край, где смелым любовь завещана.
В край, где с нашей семьей по соседству
Проживала простая женщина.
Нет, не сравнивал я в одиннадцать
Черных кос ее и седин отца,
И не знал я закон этот сложный,
В Конституции не изложенный,
По которому любят женщины,
Те, которым уже под сорок...
Шла война. Деревни Смоленщины
День и ночь горели, как порох.
А у нас, на другом конце земли,
Получив письмом консультацию,
Комиссары целый месяц вели
Срочную мобилизацию.
Мой отец уходил без повестки...
Проклиная осеннюю слякоть,
Мы прощались у перелеска,
Не рискуя шутить или плакать.
Мать прощалась с отцом без надежды,
Хоть бывал он в отлучках нередко.
А поодаль в солдатской одежде
Одиноко стояла соседка.
Эту женщину с гордым именем
Не любила одна мама моя.
У нее глаза светло-синие,
Озорная была, упрямая.

Уходила она с моим отцом,
Чтоб любовь свою испытать свинцом.
Пусть в дыму и огне – лишь бы рядом.
Пусть хоть пулей убьет, хоть снарядом.
Прошлым летом я был на Смоленщине.
У Днепра, где обрывистый берег,
Скромный памятник есть этой женщине:
«Здесь покоится Лилия Беренг».
И пускай не может мама моя
Слышать слов скупой эпитафии,
Только женщина эта самая
На меня глядит с фотографии.
На меня глядит – улыбается.
На отца глядит – не раскаивается.

Помним ли мы...

Халат был в пятнах киселя,
и войлок сквозь клеенку выбился
на черном ложе костыля.
Запел бурят на подоконнике,
запел сапер из Костромы,
Солдаты пели, словно школьники,
и, как солдаты,

пели мы.

Все пели праведно и доблестно –
и няня в стареньком платке,
и в сапогах кирзовых докторша,
забывши градусник в руке.
Вошли смущенно шефы-грузчики
и, встав тихонько за кровать,
большие,

гордые

и грустные,

сняв шапки, стали подпевать.
Разрывы слышались нам дальние,
и было свято и светло...
Вот это все и было –

Армия.

Все это Родину спасло.

Анатолий Жигулин

* * *

Больше многих других потрясений,
Что отпущены щедрой судьбой,
Помню солнечный день предвесенний,
Помню город разрушенный мой.

Бело-розовый, зыбкий – от снега,
От кирпичных разрубленных стен, –
Он теснился до самого неба,
Словно в белом тумане летел.

Незнакомый, притихший, суровый –
Словно призрачный, дымный погост...
А вдали золотился сосновый
Наведенный саперами мост.

На ступенях знакомого спуска –
Ах, как сердце забилося тогда! –
Вот и домик на улице узкой...
Но была за углом – пустота...

Только виделись дальние дали –
Необычно, просторно, светло.
Только черные птицы летали
И поземкой с обрыва мело.

Помним ли мы...

Тополей обгорелые руки.
Обнаженный пролет этажа...
В первый раз содрогнулась от муки
Защищенная детством душа.

Анатолий Змиевский

22 июня

Наши девы золотые
Обернулись лебедой.
Воскресение Батя
Было б меньшею бедой.

С быстротой монгольских конниц
Раздавила нас броня!
Наши яблони в покойниц
Обратились за полдня.

За ужасное начало
Мы виновны без вины.
Кровь из нас ручьем бежала
На начальников страны!

В море яростной обиды
Глох, тонул солдатский страх,
Добивали нас, убитых,
Самолетами в крестах.

Сколько можно побороться,
Мы боролись этот срок,
Не пуская крестоносцев
На растерянный восток.

По-немецки слово «лето»
Русский слух не разберет.

Помним ли мы...

Мы за майскую победу,
Пяťся, падали вперед.

Жизнь вместили и обозначили
Шаг, не сделанный назад.
Сестры пусть по нам поплачут,
Братья пусть же отомстят!

Мы – Небесная пехота.
Нам уже не воевать
На земле четыре года,
Но без нас Берлин не взять.

Леонид Хрилев

В лихолетье

По насту саночки скрипели.
Дышала снежностью зима.
В дыму разбуженной метели
Тонули речка и дома.
И ворошил бездомный ветер
Холодный пепел на земле.
С разбитой пушкой танк в кювете.
Сугроб на башне. Лед в стволе.
Вставал навстречу опаленный
И пулями пробитый лес.
Он подходил к горе Поклонной,
Нас принимал под свой навес.
И пламя белое тушила
Метель, цепляясь за сосну.
Лишь только хвойные вершины
Роняли шишки в тишину.
Мне было десять. Низкорослый.
В тужурке маминой. Худой.
Я воздух пил лесной, морозный
И топором махал, как взрослый, –
Рубил орешник молодой.
И кто там видел: пот ли, слезы
Катились в снег. Я вспоминал:
Семь верст от города... Заносы.
Подъем. Разъезд. Полоски шпал.
До детства близко ль, далеко ли –
Печаль тех дней живет во мне...
Впрягались с братом мы, как кони,

Помним ли мы...

Тащили воз по целине.
И с хрустом снежный наст крошился,
И поджигал леса рассвет.
А ворон медленно кружился,
Голодный падал в теплый след.
Мы, добредя до старой ели,
Короткий делали привал,
Лепешки торопливо ели,
А ворон крошки подбирал.

Андрей Румянцев

Станция прощания

В ту зиму долгими ночами
Здесь паровозы не кричали...
От этих мерзлых стен полночных
К Москве, к Москве
Под вой пурги
На поездах немых и срочных
Везли сибирские полки.
И эта станция прощанья
Для наших близких
Той зимой
Могла быть только обещаьем
Беды и гибели самой.
Но как спокойно и сурово
Гудок короткий звал солдат!
Как тихо обочь, по сутробам,
Шагали женщины назад!
Здесь, в тыловой глуши тасжной,
Я понял детскою душой,
Что на седой земле тревожной
Есть долг, как Родина, большой.
Защитник мой,
В снегах под Рузой
Зловещей пулей сбитый с ног,
Вернулся ль ты потом, безусый,
На станционный огонек?
Солдатка в темном полушалке,
Смогла ли ты опять прийти

Помним ли мы...

Встречать бойца на полустанке
В конце жестокого пути?
Я так хотел бы верить свято,
Что всех, ушедших в темь пурги,
Опять встречал перрон дощатый –
Он помнит давние шаги!

Но сорок семь солдат взяла
Война из моего села!

Илья Фоняков

* * *

В те годы мы радио не выключали,
С утра и до ночи нам были слышны
Большие заботы, большие печали,
Большие победы военной страны.

Сидели, от холода плечи закутав,
И, кажется, слышали песни свинца,
И сводкам внимали, и залпы салютов,
Считая, дослушивали до конца.

Хотели увериться в том, что досталась
Нам, голодом тертым, промерзшим насквозь,
Вся гордость и радость, что нам причиталась, —
Из чаши ни капельки не пролилось.

Баир Дугаров

Не вернулся мой дядя на родину

И опять созревает смородина,
Сыплет ягоды по хребту.
Не вернулся мой дядя на родину.
Первый случай в нашем роду.

И о нем – чтоб гордиться и помнить –
Мне рассказывают старики.
Белкой прячется в кедрах полдень.
Лесовоз гудит у реки.

Стынет белый голец обелиска.
Спит в земле смуглой Азии сын.
До родимой тайги неблизко.
В двух шагах от него – Берлин.

Виктор Соколов

День возвращения

Цепь событий не рвется –
Все помню, как было когда-то:
Август брел по распадкам,
Скрипел под литовкой вострец.
Бабы сено косили...
И вдруг увидали солдата –
И одна поспешила сказать,
Что вернулся отец...
И бежал я, оглохший,
И ног под собою не чуял,
Тем путем, что и ныне
Стоит в повзрослевших глазах...
Это чудо, отец,
Это просто великое чудо –
Пол-Европы с боями пройти
И вернуться назад!
Две тоски человечьих
Рванулись навстречу друг другу,
Одичавший мальш
И солдат, что от смерти устал.
Словно после грозы
Облегченно вздохнула округа
И в измученных душах
Покой долгожданный настал.

Он ушел, возвращения день,
Скрыв дороги завесой,

А былое все туже и туже
Сжимает кольцо.
И встает в полный рост
Над сырým настороженным лесом
И десятками глаз
Смотрит мне непрерывно в лицо.
Догорает заря,
Превратив кромку облака в пепел.
Робко в травы вплетает
Роса паутину седин.
Он ушел – возвращения день, –
Детством тепел и светел.
Я сижу у костра
С прошлой жизнью один на один.
Тишина и покой.
Даже стихло царапанье мышье.
Все застыло в тревоге...
И вдруг встала тень за спиной...
Это вышел незримо к огню
Мой отец, и неслышно,
Как в те давние годы,
Спокойно стоит надо мной.

...Мы надолго в тайгу уходили
С осенней охотой,
За собаками звонкими
С сопки на сопку мечась.
И шутил ты подчас,
Что теперь мы с тобою пехота –
Потому как одна лишь надежда
На ноги сейчас.
У костров ночевали,
От ветра и холода ежась,
И ругали охоту,
Подвластные полностью ей...
Как случилось,
Что ночь коротаю в твоём я тасъёе
Одинокий, как старенький ствол

Переломки твоей?
Я пытаю себя,
В безнадежной попытке отчаясь –
Почему человек умирает?
Пусть жил бы и жил...
Почему не бессмертен?
И сам я себе отвечаю:
Для того, чтобы жизнью
Нелегкой своей дорожил.
Нет, не умер отец.
Сердце в это поверить не может.
Сердце в это поверить не хочет,
Былое любя.
Сердце болью исходит,
Глухая тоска его гложет.
Ты не умер, отец.
Это умерли мы для тебя.
Словно канули в воду,
И даже кругов не осталось.
И один ты над миром,
Над светлой его пустотой.
Оттого-то на сердце
Все чаще усталость,
Что не встретимся больше
Мы в жизни.
Ни в этой... Ни в той...
Оттого-то, отец, нет во мне
Перед этим смиренья.
Слышишь, сердце сыновье
Тебя на побывку зовет.
Нет! Не умер отец.
Он в иное ушел измеренье.
Для меня он по-прежнему
Рядом в таежном живет.
Шел отец по Европе
Во имя великого дела,
Принимая в пути не награды –
Удары судьбы.

Помним ли мы...

Словно птица над вешней тайгой,
Жизнь отца пролетела,
Покружив на мгновенье
Над крышей таежной избы.
И пропала вдали –
Растворилась в распахнутой выси.
Вот и солнечный луч
На пере у нее не блестит.
Птица канула в ночь.
Только я с этой мыслью не свыкся –
Все мне кажется: птица летит...
И летит... И летит...

Георгий Бязырев

Победитель

Кружилось небо грозное низко,
И дождь стучался день и ночь подряд
В подножье небольшого обелиска,
Стараясь достучаться до солдат.
Потом ветра для них зарю трубили,
Сверкал над полем журавлиный крик...
Студеным утром к братской той могиле
Пришел седой, как в инос, старик.
Стоял старик, прикрыв глаза рукою,
На постамент котомку положив,
И над зачеркнутою им строкою
Звенело и рыдало слово «ЖИВ!».

Леонид Лебедев

* * *

Усталый день, оплаканный дождем,
Сгорел в студеном пламени заката.
Похоронили в поле за селом
Израненного старого солдата.

Закончен путь земной. В медалях грудь.
Друзья не от вина – от дум хмелеют.
Слеза слезой, а жизни не вернуть.
Страшна война, а память пострашнее.

Погост и поле поглотила мгла.
Я спать не мог. Бродил один у речки.
И долго-долго дедушку звала
Соседская девчонка на крыльчке.

Анатолий Преловский

Образ пули

1

Вы просите, чтоб образ пули
нарисовал я и пальбу...

В траве военного июля
Спит череп с дыркою во лбу.

Вы скорбный череп тот возьмите,
к виску прижмите –
лоб у лба –
в глазницы вечности взгляните...
Ну как, услышалась пальба?

2

Она вонзилась в Сталинград...
А отыскалась в Волгограде –
на том кургане, где лежат
в посмертном воинском параде
Защитники живых... Зачем
мне этот груз военной яви?
Окамыш пули глух и нем,
коричнев и шершав от ржави.
Но так же хищно острие
и так же в тело впиться радо.

Помним ли мы...

И пули свист, и лёт ее
дофантазировать не надо.

Всех пуль считать – не сосчитать,
всех павших славить – не прославить...

Спешу спиной к Волге встать,
себя на месте их представить,
чтобы война, что не смогла
землею стать, –
куском металла
до самой смерти руку жгла
и в памяти доистлевала.

Ростислав Филиппов

* * *

Да, сибиряк – душа живая –
Хранит с суровым прошлым связь,
Беду и радость понимая
С достоинством, не суетясь.

И как судьба ни распалась,
Как ни рубила, как ни жгла,
Но крепость духа оставалась.
Она в традицию вошла.

С тех пор традиция хранится,
Когда повдоль Аргунь-реки
Беречь российские границы
Образовались казаки.

Потом японское светило,
Надменно излучая зло,
Над нами быстро восходило...
Штыки сверкнули – и зашло.

И мне великая отрада,
Что в дни, когда война была,
Сибирь Москве и Сталинграду
Надежной силой подмогла.

О том мне многие твердили,
И даже маршал боевой:

Сибиряки опорой были.
Почище гвардии иной.

И в книге памяти народной
С особой пишутся строки –
Побатальонно и поротно –
Мои сибирские полки.

Историк, друг ты мой любезный!
К тебе давно уже идут
Благословить твой труд полезный
Твой черный, но священный труд.

Идут с далекой и недальней,
С любой советской стороны,
Идут, торжественно-печальны,
Погибших воинов сыны.

Идут их матери и вдовы,
Несут, светлея, письма их,
Чтоб зазвучало снова слово
Из «треугольников» простых.

А в них – бои, надежды с болью,
Страна, родные имена,
И тот особый треугольник,
Где он, она да к ним война...

Историк-друг, конец не близок
Упорным розыскам твоим.
Ведь как он длинен – скорбный список
Всех, кто ушел в огонь и дым.

Тот похоронен, тот без вести
Пропал, и не узнать никак,
В каком лежит печальном месте
Российский воин, мой земляк.

Помним ли мы...

Ты, поколение молодое,
Живи в цвету, но не забудь
Всех, кто бывал на поле боя,
Всех! – поименно помянуть.

Пишите в школьных сочиненьях –
Мне их не раз читать пришлось –
Слова «За нас ушли в сраженья!»
Не для отметки. А всерьез.

И вместе с вами я ликую,
Когда весеннею порой
Идет на площадь городскую
Победы праздник дорогой.

И марши медные упруги.
И ветвь багульника красна.
И, словно кольца у кольчуги,
Позвякивают ордена.

Вот, опаленные ветрами
Пространств, походов и боев,
Идут в колоннах ветераны,
Идти за ними я готов!

И я иду за ними следом.
Мы чувством спаяны одним.
И осеняет нас Победа
Горячим знаменем своим.

Анатолий Горбунов

Ожидание

Майский вечер, теплый и погожий.
Дверь открыла, села на порог –
Окропил черемушник порошей
Полинялый ситцевый платок.

Белая, похожая на птицу,
Сколько весен мается, не спит –
Верит в чудо: кто-то возвратится,
Осторожно в раму постучит.

Заскрипят ворота полевые,
Пропылит ли всадник вдалеке –
Задрожат туманы голубые,
Выбегает глянуть належке:

Кто вернулся, кто по взгорку скачет?
Ветер в доме высвистал углы.
Жить бы детям в счастье да удаче –
На чужой сторонке полегли.

Вырос внук, а боль не пересилить.
На дворе то дождь, то снеговой.
До сих пор седая мать Россия
Ожидает с фронта сыновей.

Михаил Трофимов

Кулага

Не кори, не говори –
Спать пораньше лягу.
Баба Фекла, завари
Сладкую кулагу.

Тесто из ядреной ржи
Сутки солодеет –
Ты в горшок его ложи,
Пусть в печи радеет.

Буду хлебушком макать,
Похлебаю ложкой.
Буду детство вспоминать
Понемножку.

Как собирали колоски
На жнивье унылом.
После слез, войны, тоски –
Ты сынов кормила.

В чаше глиняной кулага
На столе дымилась –
Пили из солдатской фляги,
Пели, веселились.

Звон стаканов, звон медалей...
Жизнь солдата весела.

Помним ли мы...

Орден мне с пилоткой дали.
Бабка на руки взяла.

Четверо в кругу – не мало,
Каждый был твое дитя,
Называли бабу мамой,
Ну и дрались шутя.

Мама, умывай Тимошку,
Рыло у него в грязи,
Силка,хватишь по лбу ложкой!
Силка, ложку не грызи!

И на слове вдруг запнулся.
Голосила ты навзрыд...
Силка с фронта не вернулся,
Под Воронежем зарыл.

«Ой, цветут в лесу поляны,
Нет и нет моих сынков:
Сбили вороны поганые
Трех любимых соколов».

Встал седой и молодой
Твой Тимошка, нежности пример,
Обнял он тебя единственной рукой –
Славы русский кавалер.

В горе, в радости забылась...
У солдат короткий роздых...
Ты о грудь щекою билась –
О серебряные звезды.

Георгий Замаратский

Шел солдат

В том победном году сорок пятом
Шел вернувшийся с фронта солдат.
Я не мог восхищенного взгляда
Оторвать от блесневших наград.

Как их много! За что? И какие?
Так потрогать хотелось рукой!
Сразу видно, что эта – за Киев.
Ну а орден за подвиг какой?

Он, оставив автограф в Берлине,
Возвратился с победой домой.
Как был рад я, что есть на Илеме
Не из книг, а из жизни герой!

Шел высокий, стремительный, стройный
И невольно приковывал взгляд
Уваженья и славы достойный,
Пол-Европы прошедший солдат.

И таким этот день был хорошим,
Что не помню я, гордостью пьян,
Может, был это Костя Калошин,
А быть может – Устюжин Иван...

Сергей Иоффе

Неужто день такой придет

Неужто день такой придет
И час придет, когда
Меня ребята позовут
На пионерский сбор?
Я им скажу: ошиблись вы,
Я не герой труда,
Я детских книжек не пишу,
Я не киноактер.

И мне ответят: сбор у нас
Победе посвящен,
А это значит – рассказать
Должны вы о войне...
Я буду просьбою такой,
Конечно же, смущен
И возражу я им: друзья,
Ошиблись вы вдвойне.

Когда вломился к нам фашист,
Мне не было семи.
Немного надо подрасти –
Я это понимал.
Но в сорок пятом, в десять лет,
Удрал я из семьи.
Меня поймали. Я ревел.
Сказали: глуп и мал...

Помним ли мы...

Итак, для сбора не гожусь,
Не воевал ни дня.
Придется сбор перенести –
Беда невелика.
Я дам совет искать того,
Кто был взрослей меня,
Искать бывалого бойца,
Искать фронтовика.
В ответ услышу я слова
Прискорбные о том,
Как безуспешно поиск вел
Повсюду их отряд,
Как шли ребята по дворам,
Как шли из дома в дом,
Как обратились, наконец,
Они в военкомат.

И там полковник принял их.
И молча слушал он.
Вздыхая, списки полистал,
Что были так длинны.
А после, встав из-за стола,
Сказал: «На весь район
Отныне нет ни одного
Участника войны».

Неужто день такой придет?..
Над смертью власти нет.
Но память надо сохранить.
Горнист, всеобщий сбор!
Я расскажу вам о войне –
Мальчишка, шпингалет,
Не пехотинец, не танкист,
Не летчик, не сапер.

Но я тем воздухом дышал,
Я тою жизнью жил!

Помним ли мы...

Свернуть угольником письмо
До сей поры могу.
Я из газет, где «Смерть врагу!»,
Себе тетрадки шил,
Чтоб между строчек выводить
Все то же: «Смерть врагу!».

Я расскажу вам о войне,
Когда мой день придет.
И коли правда суждено
Такому дню прийти,
Пускай сначала он на год,
Потом еще на целый год
И вновь на долгий-долгий год
Задержится в пути.

Георгий Кольцов

Ночью у Могилы Неизвестного Солдата

Лил дождь,
И лебеди летели,
Чтоб ночь в полете скоротать.
И в дождь,
И в жгучие метели
Ему на площади стоять.
И снова наступает вечер.
И снова улицы пусты.
И сводит каменные плечи
Под плащ-накидкой темноты.
В Орле,
В Рязани
Иль в Иркутске
Живут у парня земляки.
Ему бы сесть,
Переобуться
И, похоронке вопреки,
В тот край,
Где пролетело детство,
Вернуться на исходе дня.
В избе родимой отогреться,
А не у Вечного огня.

Валентин Уруков

Сестра

Когда свинец атаки взбесится,
Я поднимаюсь и бегу.
С крестом и красным полумесяцем
Мелькает сумка на боку.

А по березам пули шелкают,
А впереди – разрывов мгла,
Где под огнем за ближней релкою
В снегу пехота залегла.

Бегу рывком,
Бегу без роздыха,
Не укрываясь от огня.
И не хватает сердцу воздуха,
И тают силы у меня.

В глазах кольшется пожарище.
И полущубок мне велик.
Но кровь упавшего товарища
Остановиться не велит.

Еще не скоро воспаленные
Мне губы снег запорошит.
Держитесь, парни батальонные, –
Сестра на помощь к вам спешит...

Дам командиру отделения
Из фляги горло промочить.

Помним ли мы...

А треугольник с поздравлением
Я не успею получить.

...Звенит капель – весны предвестница,
и тает в поле зимний след.
Встречай свой день, моя ровесница, –
Девчонка в восемнадцать лет.
Как подобает юной женщине,
Ты платье лучшее надень.
А я убита на Смоленщине
В Международный женский день.

Но если вновь атака взбесится –
Ты знай: я рядом побегу.
С крестом и красным полумесяцем
Запляшет сумка на боку.

Владимир Пламеневский

Из хроники

Вот кадр из хроники, страшной которой нет, –
Старушка крестит ополченцев вслед.
Секундный кадр, но вечности длиннее.
Старушка в ватнике их крестит вслед.

Они

Прощально вдавливают в Ленинград ступни,
Штыки поблескивают редких трехлинеек.

У горя цвет бульжной мостовой.
В немом пространстве ясно слышен вой
Сирен, срывающих загибше с неба.

Местью

Пропитан шаг людей по мостовой,
А этот полдень – смерти вестовой,
Но дух не преклонен суровой вестью.
Сосредоточен и уверен шаг.
Стоит над каждым твердая душа,
К стволам винтовок наглухо примкнута.
Страшней, чем у штыков, ее закал.
Уходят навсегда они за кадр,
В бессмертье разворачиваясь круто, –
Туда, где воздух вылит из свинца,
Где чашу надо выпить до конца,
Где хром немецкий нашу землю месит,
Где Бог с ума сошел или ослеп,
Старушка руку протянула вслед.
Она умрет на Невском через месяц.

Лев Аврясов

22 июня

Сегодня – день войны.
Вина хлебнув с рассвета,
Не испытав при этом
Особенной вины,

Под яблоней сидит,
Лучась теплом и лаской
(Под той, победной, майской,
Что батя посадил),

Дряхлеющий майор
С протезом и одышкой
И смотрит на парнишку,
На вскинутый топор,

На молнию потом
И брызнувшие чурки...
Кряхтит, дымит окурком
И думает о том,

Что внук не пропадет.
Такой вот ладный, сильный
Ни деда, ни Россию
В бою не подведет.

Иннокентий Новокрещенных

Первый осколок

Не нужна,
не нужна мне вычурность.
...Проклинаю свой первый стих,
где не в силах два слова вычеркнуть
и не в силах
оставить их.
То ли времени скорость бешеная
закружила на высоте,
То ли прошлое занавешено,
что порою слова не те.
А ведь помню,
как это прошлое
болью встало
рядом со мной,
неожиданное, непрошеное,
неотступное,
и войной,
точно острым ножом, задетое.
... Там,
у Северного Донца, —
зачеркнувшая все заветное
смерть отца...
Голод,
холод...
Как трудно матери!..
Пустовала в школе скамья..
И смотрели на жизнь внимательней
скороспелые сыновья.

Помним ли мы...

От села до города
осенью,
по холодной бредя грязи,
напечатал ногами босыми
я начало своей стези...

Жгла усталость...
Но тем не менее
зрели мысли,
крепла рука:
я смывал свое неумение
горьким потом
у верстака.
Рвался к школьной скамье заброшенной –
ночи плыли
в дыму, в дыму...

Я ушел навсегда из прошлого,
не сказав
никому.

Геннадий Гайда

* * *

Нас не на что было отправить на юг,
нас не к кому было отправить в деревню,
но в тесных дворах находили приют
собаки и кошки, кусты и деревья.

Где тополь столетние корни корежил,
впервые пришлось нам увидеть живых
и бледных капустниц, и сороконожек,
и в лужах прогретых червей дождевых.

Для нас распевали непевчие птицы,
для нас в тупиках сорняки расцветали,
и с птицами вместе гнездясь, небылицы
под нашим безоблачным небом витали.

Восторги срывали оконные створки.
В сыновьих забавах – суть отчей заботы.
В линиях, но ладной своей гимнастике
отец по ночам возвращался с работы.

Простые и грешные наши родители,
в великой, священной войне победители,
врага одолев, одарили наследством –
без позолоты немеркнущим детством.

Василий Козлов

Июль 1947-го

Я в начале июля родился –
В мире добрые ливни прошли,
Вымывая зеленые гильзы
Из тяжелой и черной земли.

Тополя серебрились у дома,
Воробьи копошились вокруг.
И звучал для меня незнакомо
Всем понятный за стенкою стук.

Там сосед к костылю приникает,
Как к прикладу, до боли в висках.
Он к такому себе привыкает
И не может привыкнуть никак.

Я не знал, что жестокою жалость
Лечит водкой вчерашний солдат.
Я не знал, что война продолжалась,
Отметелив два года назад.

Я не знал, что два медленных года,
Отложив ненадолго шитье,
Мама ждет почтальона у входа:
Брат без вести пропал у нее.

Я кричал непростительно громко
И не знал, сколько женщин таких

Помним ли мы...

Ждут на близких хотя б похоронку,
Не имея известий других...

Все прошло, только память осталась,
И стоит, как звезда за стеклом.
И того инвалида усталость
Вдруг склонила меня за столом.

И коптилка из выцветшей гильзы
Светит в душу, в ее глубину.
На вопросы, когда я родился,
Отвечаю: родился в войну...

Борис Архипкин

* * *

Отколесила давняя война.
Отубивала,
Отпыгала,
Замерла!

Не умолкай во мне,
Моя вина,
За то, что не упал
Солдатом замертво.
За детский сон,
За Лорку,
За траву,
За даль,
Не делимую от берега...

Не хватит звезд –
Подснежников нарву
И на могилу –
Лепестками
Бережно...

Павел Хемпетти

* * *

Фейерверков цвели букеты
В небе мирной голубизны.
В наше детство входило лето,
Исцеленное от войны.

Только мама сказала:
«Бедный...»
Лист бумажный на стол упал...
Ослепительный День Победы,
Почему ты так опоздал?

По-ребячьи за все, что было,
Никого еще не виня,
Я одно был понять не в силах –
Сколько радости всюду было.
Разве это не для меня?

Олег Кузьминский

Долг

1

Он выбрал время посмотреть
отцовский стол.
Бумаг пакет. Медалей медь.
Табак нашел,
кресало, битый кремешок...
Взял ваты клочок.
Но немудреный огонек
добыть не смог.
Десяток папиросных гильз
извлек на свет.
Набил одну. Дым лился ввысь...
А вкуса нет.
Май сквозняком тянул над ним,
беспечный. Но
горький, горький, горький дым
унес в окно.

2

Пел репродуктор о войне.
Шел мирный май.
И долг был явственным вполне:
вникай! Вникай!
Свяжуй поблекших справок смысл
и песен боль,
и просто вещи, что сжились

с отца судьбой.
И в горечь гари фронтовой
от сизых строк
он, разминувшийся с войной,
поверить смог.
Но давний быт не воскресить,
вдоль строк скользя.
и, что забыл, переспросить
уже нельзя...

3

Ночные шорохи весны
влетали в дом.
Он бисер книжек записных
читал с трудом.
Глаза усталые прикрыл...
Обрывки снов...
Отец сидел, табак курил,
ушел без слов.
Хотел окликнуть. И не смог.
Такой был сон,
что третий год все снится в срок
дня похорон.

Михаил Рябиков

Восьмое мая

Рабочий день на час короче...
И, потрудившись, всем звеном
Мы в будке прибранной, рабочей,
Теснясь, уселись за столом.
В тарелках – разная закуска,
Девчата наши молодцы,
Тут и котлеты, и ватрушки,
И на газете огурцы.
И первый тост за День Победы,
За тех, погибших на войне,
Сказал весомо мастер Бедов
В столь необычной тишине.
И, как огнем тех лет бессмертных,
Румянцем лица обожгло,
И, вспомнив батю, все заметней
Вздыхал Акулов тяжело.
Молчанья круг все уже, уже,
Зашевелились мужики.
Работой связанные в узел
Вдруг развязались языки...
...Но дядя Ваня – он в почете –
Сказал уральским говорком:
– Ну, хватит, хватит о работе,
Давайте песню запоем!
Мы пели песню про землянку,
И про осадный Ленинград,
И про смуглянку-молдаванку,
Что собирала виноград.

Помним ли мы...

Когда сбивались: – Ну, пехота! –
Нас дядя Ваня упрекал.
Сам, дирижируя, охотно
«Катюшу» громко запевал..
А у меня – мороз по коже
от чувств, подаренных судьбой,
в тот миг казалось – мы похожи
На тех, кто шел в смертельный бой.
И я открыл себе впервые:
Ведь никому не взять Москву,
Покуда песни фронтовые
В народной памяти живут.

Владимир Скиф

Ложка

Помыты банки из-под молока,
Их чистый свет колеблется у полки.
На отчий дом смотрю издалека
И вижу все – от ложки до иголки.
Та ложка появилась до войны,
Потом с отцом отсутствовала долго.
На ней еще отметины видны
От острого немецкого осколка.

...Когда враспloch ударил пулемет,
отец мой из-за бруствера взгляделся
в зарытый, скрытый на востоке дот
и проворчал:

– На Бога не надейся!

Со смертоносной связкою гранат
Отец пополз, испытывая долю,
И друг его

– такой же лейтенант –

За ним, рискуя, двинулся по полю.
Они ползли к фашисту напрямиком,
А ложка из отцовского кармана
Торчала и внимательным глазком
Смотрела на Петра и на Ивана.
Рванул снаряд, как тяжкий барабан.
Ах, милые! Вы сделали оплошку!
Затих осколком срезанный Иван,
Другой осколок шмякнулся об ложку.

Помним ли мы...

...Смотрю на ложку. Вот ее изъян:
Следы-бороздки, а на донце – дата.
Спасибо, ложка, ложка-ветеран,
За то, что ты уберегла солдата!

Владимир Старшов

Рукопожатие

Я из казармы невзначай,
скорее даже поневоле,
попал в одну семью на чай.
Там были папа, мама, Оля.

Сидел, напуганный уютом,
краснел сквозь полевой загар,
как приглашенный в люкс-каюту
в рабочей робе кочегар.

А Один папа между тем
вел разговор со мной степенный,
касаясь самых разных тем,
по преимуществу – военной.

Все знать хотелось старику –
войну прошел он до Берлина, –
какая техника в полку
и крепкая ли дисциплина...

Я отвечать старался с толком,
но поперхнулся и умолк.
Я в этот день был в самоволке
и, значит, свой позорил полк.

Гвардейский знак краснознаменный
прожег, казалось, до ребра.

Помним ли мы...

Вскочив, я Оле удивленной
сказал: «Простите, мне пора».

Меня патруль не задержал.
Другое было наказание:
седой гвардеец на прощанье
мне руку от души пожал...

Василий Хлыбов

Новеллы о русских мальчиках

Из поэмы

...Но с подлой трусостью своею
Наш Сашка Логинов сражался,
Своими острыми и злыми кулачками
Пытаясь слезы затолкать в глаза обратно.
Она стояла, плотно губы сжав.
Так третий «Б» учился с крыши прыгать,
И край дощатого сарая,
Как мог, воспитывал мужчин.
Учительница Эрна Францевна, молоденькая немка,
Всегда подтянутая, собранная немка,
Нас, леспромхозовскую пацанву,
Учила жестко,
Как будто бы ученья проводила.
О, вкусный хлеб пятидесятых лет!
О, хлеба черного хрустящие горбушки!
И через годы слышу, как они хрустят
Под острыми, веселыми зубами.
Поселок оседал под грузом перемен.
Деревья падали, и паровозики натуженно гудели,
И шли домой усталые отцы,
Глаза их теплились,
А щеки их кололись.
А в праздник думалось:
Еще немного выдать им усилий,
И все вздохнут,
И процветание наступит.

Но впереди опять гудки, гудки.
А день был отдан пацанам:
На пустырях, в проулках, перелесках,
Вдоль эстакад и длинных штабелей
Шныряли быстрые ватаги,
Переворачивая встречные предметы
И углубляясь в царство железяк.
Так было всюду в те года.
Казалось:
Вся Россия в смуглых пацанах.
А девочки что, вовсе не рождались?
Нет, были девочки,
Прямые, как пружины,
Растущие под окрик пацанвы,
Но кто на это обращал вниманье?
Тогда висели в каждом доме
Солдатские со звездами ремни,
И пацаны не очень их любили,
Но уважали бесконечно.
День долгий, трудный, вечный угасал,
И солнце выжатым лимоном
Валилось в лес.
А паровозики гудели о том,
Что процветание наступит.
Но Эрна Францевна, прекрасно это зная,
Готовила нас, кажется, к другому,
Настойчиво и даже фанатично
Решительность и смелость в нас вгоняя.
Мы карту мира знали назубок,
Историю твердили без запинки,
И был Суворов наш кумир,
И в нас росли его цитаты:
«Сам погибай...» и «Пуля дура...»,
А более всего «Опасность труса лечит».
Поэтому-то станционная шпана
Наш третий «Б» не донимала.

Помним ли мы...

В том пыльном, душном сорок первом
В степи у города Одессы
Смотрела маленькая Эрна
Глазами, впившимися в небо,
На черные кресты.
Лежала мама в бежевой пыли,
Нехорошо лежала, неудобно,
И было страшно к маме подойти.
Война. Солдаты проходили
По бесконечным тем дорогам,
И пыль следы их заметала
И осаждалась в душах и сердцах.

Он все же прыгнул, маленький наш Сашка,
Земли коснулся, подогнул колени
И набок лег – все, как учили.
Тут Эрна Францевна улыбку процедила.
А Сашка, Сашка целый день смеялся,
И были кулачки его остры.
Сегодня пустыри предстали пустырями:
Нет Эрны Францевны –
Туберкулез ей легкие спалил.
А может, это бежевая пыль?
Она от крика в легких поселилась
И сделала свое худое дело.
Мы все почувствовали вдруг:
Война не кончилась.

Любовь Сухаревская

Берлинский этюд

Живу впервые в той стране,
Где скорбь и трепет Трептов-парка,
Где в сентябре, как летом, жарко,
Но жарче – память о войне.

Как кровь стучит в моих висках!
Как страшно мне с любым прохожим
Подумать вдруг одно и то же,
Хоть и на разных языках!

Представить сквозняки руин,
Рейхстаг, что мертвым силуэтом
Чернеет там зимой и летом,
И вдруг опомниться: ведь в этом
Повинен был другой Берлин!

И размыкаю дум кольцо,
И снова провожу границы.
Мои ровесники в столице
Открыто смотрят мне в лицо...

Анатолий Кобенков

* * *

Та ненависть, которая жила в моем отце,
во мне лишь просыпалась,
хотя в кинотеатрах не однажды,
как всякий мальчик,

я в негодованье
кричал «бей фрицев»,
думая, что фрицы
и немцы – синонимы...

За столиком кафе
мы пили кофе с ясноглазым Фрицем.
Ровесники, набитые стихами,
привязанные к пишущим машинкам
судьбой и миром...

И непониманьем
минувшего и нынешнего...
Осень

уже коснулась и меня, и Фрица:
любовь сменилась разочарованьем
и вновь любовью...

Густо бородатый,
он был веснушчат, вежлив и вальяжен,
но пальцы, упиравшиеся в чашку,
слегка дрожали:

через три квартала
от нашего кафе он брал уроки
у бывшего сержанта – стены храма
хранили надпись, сделанную камнем:
«Проверено. Мин нет. Сержант Петров».

Василий Забелло

* * *

Кружит орел, ища в реке добычу.
Вон дети пастуху несут обед.
Как все знакомо взгляду, как привычно...
Давно изжита скорбь военных лет.

И будто вдовы здесь не голосили,
Не заглушала стежки лебеда...
И кажется: в спокойствии и силе
Пройдут еще немалые года.

Сергей Корбут

* * *

*Анатолию Иосифовичу Денисевичу,
который лично довел головной танк
«Иркутский комсомолец» до
расположения танкового полка
и передал его боевому экипажу*

Сколько понастроено –
Не пересказать.
У живой истории
Грустные глаза.

Семь десятков пройдено,
Подступает ночь.
Приласкать бы Родину,
Как родную дочь.

Припадет к источнику,
Губы леденя:
«Как ты будешь, доченька,
в жизни без меня?»

Ольга Деребера

Песнь павших солдат

Наша доля весны под снегами ослепла,
Наша доля весны не воскресла из пепла.
Мы остались лежать, где упали когда-то,
И лишь память осталась в сердцах от солдата.

Наша доля весны – наше синее небо,
Там, в окопах, осталась у мертвого снега.
Ночью тысячи звезд – это наши лица,
Лица тех, кому в небе ночами не спится...

Наша доля весны – поля снеговые.
Вы ищите ее в ваших веснах, живые.

Василий Балтахинов

Помним ли мы...

Сколько же вас полегло по просторам России!
Сколько имен позабыто – не знает никто.
Мы не свидетели прошлых суровых событий,
К общей могиле лишь носим букеты цветов.

Помним ли мы в беготне, в суете бесконечной
Наших дедов, не пришедших когда-то с войны?
Помним ли тех, кто poleg, живота не жалея,
Им возжигая огонь у гранитной стены?

Вечный огонь – это отблеск сражений недавних,
Вечная память отдавшим себя до конца.
Ваше молчание слилось с безмолвием камня.
Ваше присутствие чувствуют наши сердца.

Содержание

Джек Алтаузен	4
Лев Черноморцев	6
Иосиф Уткин	7
Виссарион Саянов	8
Дмитрий Сергеев	9
Лев Могилев	10
Леонид Сенченко	12
Александр Гайдай	14
Леонид Огневский	16
Денис Цветков	18
Константин Седых	19
Николай Саткевич	20
Николай Савостин	21
Анатолий Ольхон	22
Ростислав Смирнов	24
Иван Молчанов-Сибирский	26
Марк Сергеев	27
Василий Федоров	30
Иннокентий Луговской	31
Елена Жилкина	32
Юрий Левитанский	34
Светлана Кузнецова	36
Петр Реутский	37
Евгений Евтушенко	39
Анатолий Жигулин	41
Анатолий Змиевский	43
Леонид Хрилев	45
Андрей Румянцев	47
Илья Фоняков	49
Баир Дугаров	50

Виктор Соколов	51
Георгий Бязырев	55
Леонид Лебедев	56
Анатолий Преловский	57
Ростислав Филиппов	59
Анатолий Горбунов	62
Михаил Трофимов	63
Георгий Замаратский	65
Сергей Иоффе	66
Георгий Кольцов	69
Валентин Уруков	70
Владимир Пламеневский	72
Лев Аврясов	73
Иннокентий Новокрещенных	74
Геннадий Гайда	76
Василий Козлов	77
Борис Архипкин	79
Павел Хемпетти	80
Олег Кузьминский	81
Михаил Рябиков	83
Владимир Скиф	85
Владимир Старшов	87
Василий Хлыбов	89
Любовь Сухаревская	92
Анатолий Кобенков	93
Василий Забелло	95
Сергей Корбут	96
Ольга ДЕРЕБЕРА	97
Василий Балтахинов	98

Помним ли мы...

Помним ли мы...

*Стихи поэтов Приангарья
о Великой Отечественной войне*

Составители Л.В.Иоффе, А.С.Стародубцева

Компьютерный набор и верстка
А.С.Стародубцева

Бумага офсетная. Печать RISO

Заказ №32 Тираж 180

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО Оперативная типография "На Чехова"
г. Иркутск, ул. Чехова, 10, тел.: (3952) 209-355, 209-056
Лицензия ПД №13-0035.
E-mail: info@print.irk.ru.